

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ: Жизнь Уилльяма Бранхама

КНИГА ПЕРВАЯ: МАЛЬЧИК И ЕГО ЛИШЕНИЯ

(1909 — 1932)

ч. 2

Оуэн Джоргенсен

Глава 6

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР

1925 — 1927

МНЕНИЕ УИЛЛЬЯМА БРАНХАМА о противоположном поле формировалось ещё в детстве, когда он рос рядом с подпольной самогонной организацией. Он неоднократно наблюдал, как после наступления темноты замужние женщины украдкой заходили в сарай, где, затем, всю ночь пьянствовали с мужчинами, которые не были их мужьями. Обычно, к утру эти женщины были настолько пьяны, что мужчинам приходилось отпаивать их кофе и водить кругами по двору до тех пор, пока те, придя в чувство, могли сами дойти до дома, чтобы приготовить завтрак своим семьям. Их поведение вызывало у Билли отвращение. Он размышлял: “Если женщины такие негодницы, я ни за что не женюсь, даже если мне будут “навязывать” это”.

В результате этих негативных впечатлений Билли испытывал неприязнь к любому общественному мероприятию, где мог бы столкнуться с девочками. Будь то вечеринка по случаю дня рождения или сельский праздник с танцами в амбаре — Билли всеми усилиями старался избегать этого. При первом же намёке на праздничные приготовления он запоминал время и место, где это будет происходить, и умудрялся быть в назначенное время занятым. Подчас и его родители приглашали соседей и устраивали весёлую вечеринку с танцами. Такими ночами Билли брал свой фонарь, охотничьего пса и отправлялся в лесную глушь, охотясь полночи на енотов и опоссумов. Если при его возвращении домой музыканты по-прежнему пикикали на скрипках, он взбирался на самый верх дровяного навеса и спал там до рассвета.

Уход Билли из школы не разрешил ни одной из его проблем — они просто-напросто стали проявляться по-новому. Он по-прежнему вынужден был бороться с постоянной неприязнью со стороны сверстников. Большинство местных мальчишек недолюбливали его, потому что он не курил и не выпивал, а девочкам он не нравился из-за того, что не ходил на танцы и вечеринки. Его не могли понять. Но худшее заключалось в том, что Билли не мог понять самого себя. Хотя он любил людей и желал быть воспринятым ими, он, в то же время, не мог заставить себя поступать подобно другим мальчишкам своего возраста.

Он не раз размышлял: “Что ж, если мне суждено быть изгнанником, тогда я стану охотником и буду расставлять капканы. Когда достигну совершеннолетия и смогу где-нибудь раздобыть достаточно денег для содержания моей матери, отправлюсь в штаты Колорадо и Вашингтон, или,

возможно, поеду в Британскую Колумбию и буду охотиться, расставляя капканы. Возьму своё ружьё, капканы, свору охотничьих собак и буду жить там до самой смерти. И никогда не женюсь”.

Всегда, когда у Билли намечались перспективные планы, он считался со своей матерью. Он терзался при виде того, сколько она испытывала трудностей и невзгод из-за аморальной жизни Чарльза. К тридцати годам она была матерью восьмерых мальчиков, старшему из которых исполнилось пятнадцать. Денег и одежды постоянно не хватало; часто не было достаточно и пищи. Билли видел её сидящей на пороге и плачущей, с ребёнком на руках, выставленной за дверь своего же дома; в то время как Чарльз, бессознательно пьяный, всю ночь лежал в комнате. И, тем не менее, Элла Бранхам оставалась верной своему мужу и постоянно заботилась о том, чтобы её семья была одета, накормлена и, по возможности, счастлива. Билли любил маму за её благопристойность; любил за то, что она принимала его таким, каким он был, включая все его странности. Ему казалось, что жизнь должна была наделить её большим, поэтому он считал своей обязанностью заботиться о её благополучии. Её пример вселял в Билли надежду, что в мире ещё остались приличные женщины.

В канун 1926 года в их город приехала новая девушка, которая завязала дружбу с подругой Джимми Пула. Билли и Джимми были закадычными друзьями, и однажды в его доме Билли столкнулся с этой девушкой. Её красота поразила его: глазки у неё были, как у голубки, зубки белые, как жемчуг, а шея изящная, как у лебедушки. Когда Джимми представил его, она похлопала глазками и кокетливо сказала: “Приветик, Билли”. Это решило дело. Билли попался на крючок.

Позже Джимми играл роль посредника.

— Думаю, что ты ей нравишься, Билли.

Билли просто растаял:

— Правда?

— Конечно же, она любит тебя. Послушай-ка, а почему бы нам не устроить двойное свидание? Мы прокатимся с ними в старом “Форде” моего отца... в том случае, если мне удастся его завести.

— Ну, не знаю, — нервно ответил Билли.

— Конечно же. Мы отлично проведём время. Но нам придётся раздобыть немного наличных. Сколько денег ты можешь наскрести?

Билли колебался, но затем решил, что если он действительно нравится этой прелестной девушке, тогда ему следует раскошелиться.

— У меня есть 30 центов.

Это удовлетворило Джимми.

— Отлично. У меня 35 центов. Этого должно хватить. Не учитывая бензин, мы должны купить им что-нибудь попить или мороженое, или что-нибудь ещё.

У Билли возникла мысль, как поближе познакомиться с этой девушкой.

— Послушай, Джимми, а что если ты будешь за рулём, а я сделаю покупки?

— Звучит неплохо.

Им пришлось поднять домкратом задние колёса и раз десять заводить мотор рукояткой, пока старенький “Форд” модели “Т” не завёлся. К тому времени, когда они заехали за своими девушками, солнце уже село. Билли и его спутница сели на заднее сиденье. Как всегда застенчивый, Билли отодвинулся к краю, как можно дальше от неё. Он надеялся, что темнота и расстояние между ними скроют его потрёпанную одежду.

Выжимая газ до предела, они с грохотом мчались по освещённым луной сельским дорогам, направляясь неведомо куда. Джимми и его спутница, сидевшие на передних сиденьях, заправляли всем разговором. Билли же сидел спокойно, украдкой поглядывая на свою девушку. Он восхищался, какой сияющей она выглядела при лунном свете, и его сердце переполнялось гордостью при одной лишь мысли, что такая красавица согласилась ехать с ним. Что ж, возможно, девушки были не так уж и плохи.

Она посмотрела в его сторону и улыбнулась.

— Прекрасный вечер, не правда?

Билли ответил:

— Да, мадам.

— Сегодня вечером в “Садах Сикаморов” будут танцы, — подметила она. — Давай съездим туда.

Билли стало не по себе.

— Нет, мадам, мне не хочется. Я не танцую.

Они ещё немного поколесили по сельской местности, пока не подъехали к придорожному магазину. Билли с Джимми распланировали все свои действия. Билли откашлялся, говоря:

— Джимми, у меня немного пересохло в горле. Как ты считаешь, может, нам следует здесь остановиться?

— Отличная мысль, Билли.

Джимми остановил машину у входа и сказал:

— Я пойду купить что-нибудь поесть и попить.

— Не беспокойся, — сказал Билли. — Я пойду и всё куплю.

Всё это было подстроено, потому что у Джимми не было и цента в руках. Они потратили 25 центов на восемь литров бензина, оставив 40 центов, которые Билли держал у себя в кармане.

Сэндвичи (большие, с ветчиной, щедро сдобренные луком) стоили по 5 центов каждый, и у Билли как раз хватило денег, чтобы купить ещё четыре бутылки кока-колы. Они кушали в машине, наслаждаясь стрекотом сверчков и прохладным вечерним воздухом. Билли был в хорошем настроении. Он и вправду понравился этой девушке! В этот вечер он был частью компании и чувствовал себя кем-то важным.

Они выпили кока-колу, и Билли понёс сдавать бутылки в магазин, чтобы возвратить за них деньги. Когда он вышел, вся тройка сидела в машине и курила. Билли едва ли мог поверить своим глазам: его спутница, та прелестная девушка, курила сигарету! Она откидывала назад голову, выпуская дым через нос. Билли стало не по себе. Он грузно взобрался на заднее сиденье.

Его девушка предложила:

— Хочешь сигарету, Билли?

— Нет, мадам, — ответил он с недовольством. — Я не курю.

Её охватило раздражение.

— Билли Бранхам, в чём дело? Сначала ты мне сказал, что не танцуешь; теперь говоришь, что не куришь. Тогда что же тебе нравится делать?

— Я люблю охотиться и рыбачить.

— Как глупо, — сказала она и с отвращением вздёрнула верхнюю губку. — Возьми-ка, Билли, выкури эту сигарету и придай своей жизни больше веселья.

— Нет, мадам, я не хочу этого делать.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что у нас, девчонок, больше мужества, чем у вас? — ухмыльнулась она. — Да ты просто большой неженка.

Неженка? Это ужасное слово причиняло боль больше, чем капкан на бобра, вонзившийся в лодыжку. Неженка? Боль жаром обдала его сердце! Неженка? Только не он. Он был “большим, крутым Биллом” — охотником, капканщиком, бойцом. Неженка? Теперь-то он ей покажет.

— Дай сюда сигарету! — потребовал он.

Лёгким щелчком она самодовольно вынула её из пачки и передала ему. Билли сказал:

— Дай-ка мне спички.

— Ну, теперь ты больше похож на мужчину, — сказала она, подавая коробок.

Билли зажёл спичку и, держа в другой руке сигарету, поднёс их одновременно ко рту. Но не успела сигарета коснуться его губ, как послышался шум, похожий на шелест листьев, кружащихся на ветру. Билли опустил сигарету и напряг слух: ничего не было слышно.

“А, мне это просто показалось”, — подумал он.

— В чём дело, Билли? — спросила его спутница.

Он, вздёрнув голову, сказал:

— Ничего. Я просто пытаюсь закурить.

Билли снова поднёс сигарету ко рту и снова услышал тот звук, на этот раз громче. Тихий равномерный шум ветра нарастал, становясь всё более мощным, пока не превратился в гул. *“Хи-ш-ш-ш!”* Его руки замерли, не достигнув рта, и он вспомнил тот низкий голос в листве тополя, предостерегавший его: *“Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”*. У него затряслись руки. Спичка догорела до самых его пальцев, и он уронил её. За ней упала и сигарета. Он заплакал.

Его девушка захихикала.

— Теперь уж я точно знаю, что ты неженка.

Злой, расстроенный и перепуганный, Билли распахнул дверь машины, выскочил из неё и, плача, зашагал по дороге. Джимми ехал возле него.

— Ну же, садись, Билл.

Билли покачал головой.

— Нет, Джимми, — ответил он и продолжал идти.

Джимми, по-прежнему, ехал рядом, уговаривая его сесть в машину, в то время как спутница Билли безжалостно насмехалась над ним:

— Билли Бранхам, ты долговязый неженка. А я-то думала, что ты мужчина.

— Я тоже думал, что я мужчина.

Всхлипывая, Билли свернул с дороги и пошёл прямо через поле, где машина не могла за ним ехать. Он машинально шагал, потеряв из виду дорогу, пока не очутился за холмом. Там он свернулся калачиком на земле и стал рыдать, глядя на луну: *“Я никуда не годен. Я не могу завести друзей. Я вырождок среди парней. Никому нет до меня дела. Тогда зачем я живу? Какая из этого польза? О-о, если бы я как-то мог умереть прямо здесь и положить конец всем этим мучениям. Я стал пленником чего-то странного и даже не знаю, что с этим делать”*.

Он рыдал до тех пор, пока силы и чувства не иссякли. Затем он просто сидел там, вперившись на луну; чувствуя себя таким же мёртвым, как и тот безжизненный каменный шар, висящий в небе. Вдруг он ощутил нечто странное, будто что-то давило на него. У него возникло жутковатое ощущение, что он не один. Затаил дыхание, прислушался — кругом была мёртвая тишина. Он стал озираться, всматриваясь в освещённое лунным светом поле. Никого не было видно, но Билли ощущал, что кто-то (или что-то) находится очень близко от него. Мурашки пробежали по его спине. До смерти перепуганный, он во все ноги пустился домой.

Такого рода странные переживания приводили Билли к сознанию того, что его жизнь отличалась от обычной жизни людей, и не одной лишь нищетой. Для него были мучительно-непонятны те “приключения”, которые то и дело случались с ним, и странные встречи, наподобие той, с гадалкой. Однажды, на ярмарке с аттракционами, Билли шёл с Джимми Пулом по центральной улице и слушал, как зазывалы приглашали на игрища и к торговым лоткам. Ребята проходили мимо палатки гадалки, где у лога, закрывавшего вход, стояла молодая цыганка.

— Эй, послушай! — окликнула цыганка. — Подойди сюда на минутку.

Оба парня обернулись.

— Ты, в полосатом свитере, — добавила она.

Билли был в полосатом свитере и, полагая, что ей надо, чтобы он сходил купить бутылку кока-колы и бутерброд, подошёл к гадалке.

— Да, мадам, чем могу быть полезен?

— А ты знаешь, что за тобой следует Свет? — спросила она.

Эти странные слова поразили Билла.

— Свет? Что вы имеете в виду?

— Я вижу, что ты родился под знаком, очень таинственным; три главных планеты пересеклись орбитами над твоим первым домом, и все они соединились с Нептуном. Вот почему за тобой следует Свет. Ты родился для Божественного призвания, — объяснила она.

Билли бросило в дрожь.

— Послушайте, женщина, замолчите! — он резко прервал её и поспешно удалился.

Позже Билли рассказал об этом случае своей матери, и она сказала, что он поступил правильно, так как все гадалки от дьявола. Это не давало ему покоя. “Как мог кто-то, явно имеющий дело с дьяволом, выделить его из толпы как имеющего... (как же цыганка назвала это?), имеющего “Божественное призвание”?”

Будучи неспособным понять самого же себя, Билли всё больше и больше стал разочаровываться в своём положении. Почему он всегда казался “гадким утёнком”, который не мог ужиться со своими сверстниками? Дома ему было не слаще. Хотя к этому времени Чарльз со своей семьёй переехал из прежней хатки в большой дом на земельном участке мистера Уотена, на окраине Джефферсонвилла, их домашняя жизнь по-прежнему проходила в замешательстве и неразберихе. В августе 1927 года Элла Бранхам родила девятого ребёнка — Джеймса Дональда. Теперь в доме было девять мальчишек, в возрасте от одного до восемнадцати лет, которые вместе жили и дрались.

Истинный покой Билли, как всегда, находил в лесах, где любил бродить со своим псом Фрицем. Внезапно налетел сокрушительный удар.

Мистер Шорт, заместитель местного шерифа, отравил Фрица. Сгорая от ненависти, Билли пришёл в исступление. Чарльз поймал своего сына, когда тот направлялся к полицейскому участку с ружьём в руках.

— Папа, я убью его, — огрызнулся Билли, дрожа от злости.

Чарльз вырвал ружьё из рук разгорячившегося сына.

— Ты не сделаешь этого ни за что на свете.

Билли вернулся к могиле своего пса, опустился на колени и снял шляпу. “Фриц, ты был мне другом, настоящим товарищем. Ты укрывал меня, кормил и провожал в школу. Я собирался заботиться о тебе, когда ты состаришься. Но вот, мистер Шорт погубил тебя преждевременно. Обещаю тебе, Фриц, что он не будет жить. Однажды я выслежу его, идущего по улице, и налечу на него машиной. Я ему отомщу за тебя”.

Поскольку теперь Билли лишился своего лучшего друга, он почувствовал, как никогда раньше, что нуждается в жизненной перемене. Он переправился через реку в Луисвилл, штат Кентукки, и записался в военно-морской флот. Когда вечером он сказал об этом матери, она пришла в ярость. На следующее утро, отправившись в призывной пункт военно-морского флота, она уговорила вычеркнуть фамилию своего сына из списка.

Билли понял, что если придётся сделать решительный шаг, он должен будет сделать это втайне. Немного погодя, осенью того же года, он воспользовался одной возможностью. Его знакомый по имени Франциско собирался поехать на Запад в Финикс, штат Аризона. Билли намекнул ему, что когда-нибудь он тоже намеревается отправиться на Запад. Мистер Франциско понял Билли с полуслова и попросил его поехать вместе, предложив плату за то, что он поможет ему вести машину в этой сложной поездке протяжённостью в 3200 километров. **(Фото №8)** Билли охотно принял это предложение, и вскоре они были готовы отправиться в путь. Он сказал матери, что собирается пойти в поход в Туннель Милл на неделю или две. Таким образом, он мог покинуть город без опасения, что она попытается его отговорить, а когда приедет в Аризону, написать ей письмо и всё объяснить.

Глава 7

БЕГСТВО В ПУСТЫНЮ

1927 — 1929

КОГДА УИЛЛЬЯМ БРАНХАМ приехал в Финикс, штат Аризона, мистер Франциско заплатил ему, как и обещал, три доллара. Это все деньги, какие только были у Билли, но он сильно из-за этого не переживал. Он был уверен, что появится какая-нибудь возможность подработать.

Был декабрь 1927 года, и Билли исполнилось восемнадцать лет. Его переполняло вдохновение при виде новых возможностей в своей жизни.

Отослав домой, для своей матери, письмо с извинениями, Билли отправился осматривать город. Вскоре он набрёл на обычное родео¹⁶. Это навело его на мысли: “Я же, на самом деле, отличный ездок. Поскольку в кармане у меня ни гроша, то почему бы не использовать этот лёгкий способ подзаработать денег здесь, на родео? Но прежде чем я покажусь тем ковбоям, мне нужно раздобыть пару кожаных ковбойских штанов”.

Он прошёлся вниз по улице до ближайшего магазина, где продавали одежду, и примерил пару кожаных ковбойских штанов. Они были превосходные: на пряжке ремня отчеканено слово “АРИЗОНА”, и к каждой штанине была пришита эмблема с изображением бычьей головы с медными пуговицами вместо глаз. Но эти штаны не подходили ему по росту, и кожаные штанины тащились по полу. Билли взглянул на себя в зеркало и подумал: “Я похож на бойцовского петуха-коротышку — один пух да перья”.

— Эта пара стоит 25 долларов, сэр, — сказал продавец магазина.

Билли был рад отказаться от них.

— Боюсь, что три доллара — это всё, что у меня есть.

— Тогда вам лучше купить пару джинсов фирмы “Ливайз”¹⁷, — предложил продавец.

Билли купил джинсы “Ливайз”, ковбойскую шляпу и вернулся на родео. На одном из ограждений в ряд сидели кривоногие, обезображенные ковбои, которые, похоже, прошли немало прогонов скота и пастбищных войн. Билли подумал: “Вот где моё место”. Он влез на ограждение и сел возле них. Все вокруг него бормотали, охваченные возбуждением. Билли подросел как раз к тому моменту, когда какой-то знаменитый наездник сажился на дикого жеребца, пользовавшегося дурной славой. Коня держали в стойле неподалёку, и, наблюдая, как этот длинноногий наездник подпрыгивал в седле, Билли подумал: “Если этот парень не сможет удержаться на этой лошади, тогда я смогу”.

Не успели ворота распахнуться, как конь захрапел и вылетел из стойла, взбрыкивая в воздухе всеми четырьмя ногами. Ударив копытами о землю, он снова вскочил, извиваясь всем своим телом и одновременно лягаясь задними ногами. Наездник взлетел в воздух, как соломенное пугало, глухо шмякнулся о землю, хрустнув всеми костями, и неподвижно замер на середине арены; кровь струилась из его носа. Пока помощник ловил коня и закрывал его в стойло, ковбоя, находившегося в

¹⁶ Родео — игры и состязания ковбоев (Пер.)

¹⁷ По-английски: “Levis” (Пер.)

бессознательном состоянии, отнесли в машину скорой помощи, которая повезла его в больницу.

Вдоль ограждения, на котором вместе со всеми ковбоями, одетыми в кожаную одежду, сидел Билли, медленно ехал верхом мужчина. Он сказал:

— Я дам 50 долларов любому, кто сможет 30 секунд удержаться на этом коне.

Этот мужчина то и дело останавливался, глядя каждому ковбою в глаза, и повторял своё предложение и цену. Никто не отваживался принять его вызов. Тогда мужчина остановил лошадь перед Билли и спросил:

— А ты наездник?

— Нет, сэр, — робко ответил Билли.

БИЛЛИ УСТРОИЛСЯ РАБОТАТЬ на животноводческом ранчо¹⁸ в небольшом городе Викенбурге, который находился на северо-западе от Финикса. Его умение ездить верхом быстро совершенствовалось, и вскоре он стал выполнять определённую работу на ранчо. Теперь он превратился в настоящего ковбоя, которым всегда и мечтал стать. **(Фото №9)**

Красота прерии превзошла все его самые бурные фантазии. Вокруг возвышались скалистые горы, выступавшие своими хребтами из ложа прерии. Низины в пустыне и пологие склоны каньона были сплошь усеяны гигантскими кактусами-цереусами¹⁹. Пустыня предстала в своём разнообразии. Она изобиловала кактусами: опунциями — небольшими кактусами, похожими на хвост бобра с длинными зловещими шипами; подушечкообразными кактусами, которые были настолько густо утыканы мельчайшими иголочками, что казались пушистыми; бочковидными кактусами, напоминавшими своей формой бочонок с колючими гранями; и невысокими ветвистыми деревьями, известными своим испанским названием “palo verde”, что в переводе означает “зелёная палка”. **(Фото №10,11)** Иллюзорный мир животных также очаровывал Билли: ящерицы-ядозубы, гремучие змеи, наносящие удар сбоку, кенгуровые крысы и явелинские свиньи. Всё это было настолько экзотическим и так сильно отличалось от лесов, покрывавших долину реки Огайо. Подумать только — вот он сейчас находится посреди этой экзотики, скачет верхом на лошади,

¹⁸ Ранчо — крупная ферма. (Пер.)

¹⁹ Цереус гигантский (лат. *Cereus giganteus*) — род растений семейства кактусовых. Стебли безлистные, высота до 20 м, сочные, мясистые. Около 40 видов, главным образом в Центральной и Южной Америке и на Антильских островах. На родине стебли цереуса используют как топливо. (Пер.)

поднимая пыль прерии, работая в числе других ковбоев с длиннорогими волами. Это была жизнь. Что могло быть лучше?! Он ощущал себя так, будто сделав шаг, вдруг очутился в одном из тех романтических ковбойских фильмов, которые смотрел в детстве.

Однако когда Билли проработал на ранчо полтора года, иллюзия совершенства начала блекнуть. Уже к лету 1929 года начала резко возрастать его неудовлетворённость. Не раз он задавался вопросом, что же было не в порядке. Он приехал в пустыню для того, чтобы найти покой и удовлетворение, но, почему-то, покой и удовлетворение ускользали от него. Он не был счастлив вполне, чего-то не хватало в его жизни. Но чего?

Наконец, наступило время для осеннего загона скота. На протяжении всего лета большинство местных работников ранчо выгоняли свой скот пастись на одни и те же пастбища высоко в горы, где между соснами густо росла трава. Каждую осень они работали сообща, загоняя разбредшийся скот и ведя его общим стадом в долинные ранчо, где, затем, разделяли его в соответствии с выжженными клеймами. Прошлогодний загон скота оказался самым захватывающим переживанием, какое когда-либо испытывал Билли. Но в этом году его не оставляло беспокойство, которое неотступно преследовало всё лето. Что же было не так?

Когда наступил вечер, Билли снял с лошади седло и положил его вблизи костра вместо подушки. Поужинав, он опёрся на седло, чтобы наблюдать, как солнце медленно скрывалось за горами, испуская яркие лучи оранжевого, розового и алого цвета. Пожилой техасец по имени Слим настраивал свою гитару. Каждый вечер Слим наполнял пустыню ковбойскими балладами, под аккомпанемент другого ковбоя, пропускавшего воздух через расчёску, заставляя тем самым клочок бумаги трепетать и гудеть в стройном звучании. Слим напевал:

*Прошлой ночью, в полях размышляя,
Я на звёзды смотрел в небесах
И подумал: могу ль оказаться
Я, пастух, в тех далёких мирах.*

*Есть путь в этот светлый край счастья,
Говорят, что он узкий, прямой.
Но в погибель ведёт путь широкий,
Он блестит и проторен толпой.*

*Они говорят о Владельце,
Кто всегда может место найти
В просторном загоне тем грешным,
Что бредут по прямому пути.*

*Говорят, что Он не оставит,
Их вид и дела знает Он,
Но мне нужно иметь Его метку,
Чтоб я в Книгу Его был внесён.*

*Говорят, что в огромном загоне,
Все ковбои предстанут, как скот;
Каждый всадник суда будет метить,
Зная признаки разных пород.*

*Если я отобьюсь от стада,
Буду к смерти тогда осуждён,
Как норовистый и отделённый,
Когда въедет Хозяин в загон.*

Билли понял, что подразумевалось под словами этой баллады. “Норовистый и отделённый” — это был скот, судьба которого разрешалась в котле с супом. А что насчёт великого Владельца и его Книги с ярлыками? Билли задумался, уж не это ли так сильно тревожило его? Не имело ли это что-нибудь общее с Богом?

Слим стал наигрывать другую мелодию, на этот раз стародавний церковный гимн:

*Там, на кресте, где Христос страдал,
Где о прощенье я умолял,
Там Он меня Кровью оправдал.
О, хвала Ему!*

Слушая ту спокойную, протяжную мелодию, Билли почувствовал отчётливую боль в своём сердце. Он повернулся и натянул одеяло на голову, оставив открытыми только глаза и нос. Звёзды, казалось, были так близко над горами, словно их можно было брать руками. В непрестанном шёпоте ветерка, ласкавшего хвою сосен, Билли казалось, что слышит голос Бога, звавшего его, как Он звал своего первого сына, сбившегося с пути: “Адам, Адам, где ты?”

Спустя три недели загон скота закончился. Ковбои отправились назад на ранчо, чтобы получить свою зарплату и прочитать присланные письма. Билли ожидало письмо от его матери, пришедшее, как показывал почтовый штемпель, несколько недель тому назад. Среди всех новостей она упомянула, что Эдвард очень болен. Билли не принял это близко к сердцу, полагая, что его брат всего лишь простудился или заболел гриппом.

В тот же день, в полдень, все ковбои поехали в Финикс повеселиться. Хотя Билли не испытывал праздничного настроения, как другие, он, тем не менее, отправился вместе с ними, чтобы сменить обстановку. Когда работники ранчо зашли шеренгой в таверну, Билли поплёлся по улице в одиночку. В своём сердце он по-прежнему чувствовал беспокойство. Что же было не так? Он явно не соскучился по дому. Он полюбил Аризону, полюбил пустыню и наслаждался своей работой. Но почему-то он всё ещё ощущал внутри себя пустоту; чего-то не доставало. Он не мог понять, чего.

Он ненадолго присел, наблюдая за движением на улице. Красивая невысокая испаночка прошла мимо, подмигнув ему и уронив на землю белый платок. Билли, летая в своих мыслях, сказал:

— Эй, ты уронила носовой платок.

Девушка подняла его и пошла дальше.

Билли услышал музыку, доносившуюся с другого конца улицы. Он пошёл в том направлении и очутился около пустой арены родео. Там, возле конюшен, пожилой ковбой играл на гитаре и пел:

*Там, на кресте, где Христос страдал,
Где о прощенье я умолял,
Там Он меня Кровью оправдал.
О, хвала Ему!*

Но этот ковбой пел с большим чувством, чем Слим тем вечером в прерии. Этот пел гимн так, будто он прожил его. Слёзы текли по его рябым щекам. К концу припева он повернулся к Билли и сказал:

— Брат, ты не узнаешь, что это такое, пока не примешь этого прекрасного Иисуса Христа.

И он снова начал напевать этот припев:

— О, хвала Ему!..

Билли, нахлобучив шляпу, ушёл. Его сердце обуревали невыразимые чувства.

К тому времени, когда Билли вернулся к таверне, его товарищи по работе на ранчо надрывали животы от смеха, стреляя из револьверов друг другу по пальцам ног, чтобы заставить один другого приплясывать. Они спорили на пять долларов, что смогут пройти по прямой линии, хотя все были настолько пьяны, что едва держались на ногах. Билли затолкал их в машину и отвёз назад в Викенбург.

На следующее утро, когда Билл вошёл в общественную столовую, ему передали записку, в которой говорилось: “Билл, приходи на северный выгон. Крайне важно”.

Папаша, пожилой “объездчик одинокой звезды”²⁰, ждал его у ворот загона.

— Боюсь, что у меня плохие новости для тебя, — сказал он и вручил Билли телеграмму, в которой сообщалось следующее: “Твой брат Эдвард умер вчера ночью. Немедленно приезжай домой”.

Эта новость ошеломила его. В его семье это была первая смерть. Он отвернулся от папашы и устремил взгляд на жёлтую, выжженную солнцем прерию, в то время как слёзы катились по его щекам. Он думал о том, какой тяжкой была жизнь для них обоих в детстве: ходили в школу, не имея достаточно одежды, без учебников, письменной бумаги или карандашей; а подчас дома не хватало и еды. Тут Билли вспомнил, как украл ту увесистую пригоршню жареной воздушной кукурузы у своего брата. О, если бы он только мог вернуться в прошлое и прожить тот момент по-новому! Он ни за что на свете не украл бы такое лакомство у своего бедного голодного друга. Но он не мог прожить это заново. Теперь он даже не мог попросить прощения. Эдварда уже не стало. Билли задался вопросом: а был ли Эдвард готов встретиться с Богом? И тогда эта же мысль пронзила его: “Что насчёт тебя? Готов ли *ты* сам пойти на встречу с Богом?”

Билли вернулся в Джефферсонвилл на похороны. Преподобный МакКинни сказал в заключении своей проповеди:

— Возможно, здесь есть некоторые, кто не знает Бога. Если это так, то примите Его сейчас.

Билли вцепился в стул, чтобы не встать. Какое-то странное чувство терзало его сердце — какого-то рода магнетизм, который он не мог понять. Чем бы это ни было, в любом случае, он чувствовал себя от этого несчастным.

После похорон Билли собирался вернуться в Аризону, но мать так сильно умоляла его остаться в Индиане, что Билли, наконец, согласился, но при условии, если удастся найти здесь работу. Вскоре он устроился на работу, копать канавы, где прокладывался газопровод местной компании: “Коммунальной Компании Индианы”. Он решил, что побудет в Джефферсонвилле, по крайней мере, какое-то время.

Поздней осенью 1929 года выпал снег. Когда Билли проснулся и увидел, что вся земля была белая, скованная морозом, он взял у матери одно из одеял и поехал на кладбище. Там он сгрёб снег с могилы Эдварда и расстелил одеяло на свежем песчаном холмике. Он хотел, чтобы Эдварду было теплее.

²⁰ Сравнение с героем книги Зейна Грэя (Zane Gray) “Объездчик одинокой звезды”.

Глава 8

СОПРОВОЖДАЕМЫЙ ЗНАМЕНИЕМ

1929

В ОКТЯБРЕ 1929 ГОДА рухнула фондовая биржа Нью-Йорка, что ввергло Соединённые Штаты в такое экономическое бедствие, какого они раньше ещё не видели. Тысячи банков закрыли свои парадные двери, в то время как беспомощные банкиры на цыпочках выходили из здания через чёрный ход, чтобы не попасться на глаза своим разгневанным вкладчикам. В конечном итоге, Великая Депрессия²¹ охватила все сферы экономики: заводы либо резко сократили своё производство, либо полностью закрылись; фермеры обанкротились или же потуже затянули пояса; безработица неимоверно возросла, так что каждый четвёртый американский рабочий томился бездельем.

Уилльям Бранхам работал в отделе коммунальных услуг Джефферсонвилла и зарабатывал только 20 центов в час, но, имея возможность работать, он считал себя счастливецem. Он всё ещё мечтал посвятить свою жизнь охоте на пушных зверей в горах Запада, однако в данный момент его зарплата была нужна дома. Чарльз Бранхам, которому исполнилось 38 лет, лишился работы, и теперь его шансы получить постоянную работу были очень малы (здоровье ослабело из-за сильного пьянства). 2 ноября 1929 года Элла Бранхам родила десятого и последнего ребёнка. Наконец, после девяти сыновей у неё появилась дочка. Элла назвала свою дочь Фэй Дэлорес Бранхам, но обращалась к ней — Дэлорес. Итак, из одиннадцати Бранхамов, проживавших в одном доме, только у одного Билли была постоянная работа. Он чувствовал, что обязан помогать содержать семью, по крайней мере, ещё несколько лет.

Работая в “Коммунальной Компании Индианы” круглый год, Билли редко бывал дома, но работа не давала скучать и подходила ему по темпераменту. Одну неделю он мог копать канавы для прокладки газовых труб, на следующей неделе ему могли поручить снимать показания счётчиков; затем он ремонтировал газовые трубы в местах утечки или же взбирался на электрические столбы, чтобы ликвидировать неполадки на линии электропередач. Единственное, что ему не нравилось в его работе — это отключать электрический ток у тех клиентов, которые не могли оплатить свои счета. Поскольку Депрессия усиливалась, то это случалось слишком часто и шло вразрез с его характером.

²¹ Великая Депрессия (от лат. depressio — подавление) — экономический кризис 1929 — 1932 г.г. в США. (Пер.)

Несмотря на то, что Билли был рад иметь работу в компании коммунальных услуг, восьми долларов в неделю не очень-то хватало для семьи из одиннадцати человек. Поэтому, когда ему предложили работу заместителя инспектора по охране дичи на неполную ставку, он сразу же ухватился за эту возможность. Это означало, что он будет регулярно выезжать за город, чтобы патрулировать лесную глушь. Сама мысль, что ему будут платить за то, что он больше всего любил делать, казалась идеальной. В действительности всё обстояло совсем иначе. Его зарплата представляла собой комиссионное вознаграждение и зависела от количества штрафных квитанций, выданных им нарушителям законов охраны дичи. Однако у Билли не хватало силы воли, чтобы заставить себя выписать кому-либо штрафную квитанцию. Он чувствовал, что можно было бы извлечь больше пользы, если просто присесть с браконьером и прочитать ему лекцию о преимуществах охраны дичи и важности соблюдения законов штата. В сущности, всё сводилось к тому, что он тратил всё время, бродя по окрестным лесам, но то удовольствие, которое он получал, вырываясь из города, было достаточным вознаграждением.

Однажды Билли должен был патрулировать государственный заповедник в Генривилле, в 32 километрах к северу от Джефферсонвилла. Не успел он сесть в автобус “Грейхаунд”²², как странное чувство пронизало его: это было похоже на давление, будто какая-то невидимая сила давила на него. Автобус был полностью заполнен: пассажиры заняли все сидячие места, и многие стояли в проходе. Билли пропихнулся к середине автобуса и остановился между моряком и полной женщиной средних лет. Женщина подняла глаза и сказала:

— Здравствуйте!

Автобус тем временем отъехал от вокзала.

— Здравствуйте, — ответил Билли, наблюдая через окно за мелькающими домами. Та странная сила теперь давила на него ещё сильнее. Казалось, она исходила от этой крупной женщины. Взглянув краем глаза, Билли удалось заметить, что она уставилась прямо ему в лицо. Этим она поставила его в неловкое положение.

Вскоре она начала разговор.

— Вы полицейский?

Билли носил свою униформу инспектора по охране дичи; сбоку у него висела кобура с револьвером.

— Я инспектор по охране природы, — ответил он.

— Вы одиноки, не так ли?

²² Английское слово “грейхаунд” значит “борзая, гончая”. Отсюда взято название скорых маршрутных автобусов (“Greyhound”), которые ездят в США и Канаде. (Пер.)

Билли скрыл своё удивление.

— Нет, мадам, — солгал он.

— Что ж, вы не находитесь в своём доме, — сказала она.

— Я нахожусь в том доме, какой у меня есть.

Она покачала головой.

— Нет, вы родились, чтобы жить на Западе.

Это так сильно ошеломило Билли, как если бы она облила его ледяной водой с головы до ног.

— Да о чём вы говорите?

— Может быть, мне лучше всё вам объяснить. Понимаете, я астролог, — сказала она.

Билли внутренне вздохнул, размышляя: “Ну, вот ещё одна из этих странных женщин”. Он отошёл от неё и стал поближе к моряку.

Она последовала за ним, слегка покачиваясь при толчках автобуса.

— Я хотела бы поговорить с вами несколько минут, — сказала она.

Билли продолжал смотреть вперёд, делая вид, что не слышит её. Она не отступала:

— Можно мне поговорить с вами совсем недолго?

Билли не обращал на неё внимание. Он подумал: “Я веду себя не по-джентельменски, но мне совсем не хочется разговаривать с ней”.

Однако женщина не отставала от него.

— Эй вы, инспектор по охране природы, можно мне поговорить с вами несколько минут?

Наконец, Билли повернулся, сказав ей коротко и резко:

— Что вам от меня нужно?

Он почувствовал угрызение совести, так как вёл себя грубо, но ему, на самом деле, не хотелось разговаривать с астрологом. Он вспомнил, что нагадала ему цыганка на ярмарке с аттракционами, и эти воспоминания снова встревожили его.

— Вы Христианин? — спросила женщина.

— Нет, — резко оборвал он её. — А что вам до этого?

Она пожала плечами.

— О, мне просто интересно узнать, известно ли вам, что вы рождены под знаком?

У Билли комок в горле застрял.

— Послушайте, леди, я вообще ничего не хочу знать об этом, понимаете. Я знаю, что говорю с вами резко, но я делаю это осознанно. Мне нет до этого никакого дела.

Она немного отступила.

— О, не будьте таким жёстким.

— Я не собираюсь ранить ваших чувств, но я ничего не знаю о каких бы то ни было религиозных вещах, и мне не хочется знать.

Билли отвернулся от неё и стал смотреть в переднюю часть автобуса, слегка охватывая взором моряка.

— О, не ведите себя так. Это не имеет ничего общего с религией. Я сейчас еду в Чикаго проводить своего сына; он баптистский служитель. Я работаю в Белом Доме. Знаете ли вы, что расположение звёзд оказывает влияние на события, происходящие здесь, на земле?

— Я ничего об этом не знаю, — ответил Билли.

— Впереди вас стоит моряк. Спросите его, не управляет ли луна приливами и отливами, — сказала она.

— У меня самого достаточно ума, чтобы это знать, — прервал он её.

— Что ж, есть ещё много других небесных тел, которые в мире считают очень значительными. Если я скажу вам в точности, когда вы родились, вы поверите мне? — продолжала женщина.

Билли нахмурил брови.

— Вам никак не удастся сделать это.

Она улыбнулась.

— О, у меня это получится. Вы родились 6 апреля 1909 года, в пять часов утра.

Грубоватый и неприветливый вид Билли исчез и растаял, сменившись полнейшим изумлением.

— Совершенно верно. Теперь скажите этому моряку, когда родился он.

— Этого я не могу сделать, — сказала она. — Понимаете, вы родились под знаком. Разве служители никогда не разговаривали с вами об этом?

— У меня нет ничего общего со служителями, ровно ничего.

Женщина на мгновение отвела взгляд в сторону, размышляя над этим.

— Разве не странно, что служители ничего об этом не знают?

— Я не болтаюсь без дела там, где они, — ответил Билли.

Она снова устремила взор на него.

— Послушайте, я хочу вам кое-что сказать. Вы родились под знаком, как дар человечеству. Если бы вы только могли это осознать...

Он прервал её. — Может быть, я буду ещё одним Даниэлем Буном²³? Мне нравится охота, и я тоже родился в штате Кентукки.

— Нет, я говорю совсем не об этом.

²³ Даниэль Бун (1734 — 1820) — один из выдающихся американских предводителей, который помог переселенцам занять штат Кентукки и участвовал в битвах против индейцев, когда образовывались американские колонии. (Пер.)

— Ну, тогда, может быть, я буду бизнесменом. У меня есть среднее образование.

Казалось, это не развлекало её.

— Я говорю совсем не об этом. Я не знаю, кем вы будете, но я вижу, судя по вашей ауре, что вы родились как дар. Вы помните историю о том, как звезда вела “мудрецов” к Иисусу-младенцу?

— Я ничего не знаю о религии.

— Но вы всё же слышали о “мудрецах”, которые шли увидеть Иисуса-младенца, правда?

— Да.

— А кто такие “мудрецы”?

— О, они были просто *мудрецами*; это всё, что я знаю.

Она объяснила:

— “Мудрецы” были такими же, как и я, астрологами, звездочётами. Знаете, перед тем, как Бог совершает что-нибудь на земле, Он, прежде всего, всегда провозглашает это на небе. Именно это Он и сделал, когда родился Иисус: три небесных тела выстроились в ряд и сошлись вместе, что привлекло внимание нескольких астрологов, живших на Востоке. Один из них был из родословной Сима, другой — Хама, а третий — Иафета (троих сыновей Ноя). Они представляли всех людей на земле. Каждый из этих трёх человек путешествовал на запад самостоятельно, не зная, что туда ехали и другие, пока не встретились в Иерусалиме. Затем они отправились в Вифлеем и нашли там Иисуса-младенца, зная по цвету Его ауры, что Иисус был Тем, Кого они искали. Вы знаете, что такое аура? Это сверхъестественный свет души. У каждого человека есть аура. Ауры бывают различных цветов, и у каждого цвета есть своё значение. Золотой цвет означает дар от Бога. Итак, эти “мудрецы” поклонились Иисусу и дали Ему свои дары. Как раз тогда, когда они отправились назад, те три небесных тела начали расходиться по своим орбитам. В честь величайшего дара, данного Богом — Его собственного Сына Иисуса — всякий раз, когда эти небесные тела снова выстраиваются в ряд, Бог посылает человечеству меньший дар. Вы и родились под таким соединением планет. Вас сопровождает аура золотого цвета. Вот откуда я знаю день и время вашего рождения, а также то, что ваша судьба должна свершиться на Западе.

Из учтивости, Билли старался слушать внимательно, но к этому моменту ему уже надоело.

— Леди, всё, что мне известно, это то, что я являюсь инспектором по охране дичи в штате Индиана, и я стараюсь делать всё, что в моих силах. Я не религиозен, и мне не хочется ничего больше об этом слышать!

Билли продвинулся к передней части автобуса и встал так, что теперь моряк был между ним и женщиной-астрологом. Это сработало, и разговор окончился.

Тем не менее, не так уж просто было забыть это происшествие, и оно ещё не раз тревожило мысли Билли. Его жизнь, казалось, так сильно отличалась от жизни большинства людей, которых он знал; но что насчёт дара? Что это могло означать? И что же особенного было в нём, что так привлекало этих странных людей? Гадалка сказала, что видела Свет, сопровождавший его; женщина-астролог назвала этот Свет аурой. Билли никак не мог всё это совместить. Вопросы витали, “кувыркаясь” в его разуме, как сливки в маслобойке. Почему он так отличался от других? Почему он почувствовал то пронизывающее давление, как только вошёл в автобус-экспресс? И почему он чувствовал себя так неловко, когда разговор зашёл о религии? Уж не боялся ли он? Может быть, Бог искал его, а он пытался спрятаться от Него? И что же та женщина имела в виду, когда сказала, что его судьбе суждено свершиться на Западе?

Глава 9

ЕГО ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

1930 — 1932

КОГДА УИЛЛЬЯМУ БРАНХАМУ пошёл двадцать первый год, ему совсем неожиданно представилась возможность подзаработать.

Однажды, одолжив мотоцикл модели “Харли-Дэвидсон”, он нёсся по гравийной дороге, но не справился с управлением, и его занесло в кювет возле тренировочного комплекса боксёров. Несколько человек увидели аварию и побежали через дорогу, чтобы помочь и убедиться, что он не поранился. К счастью, Билли отделался всего лишь лёгкими ушибами и царапинами, но при этом он пережил сильное потрясение, поэтому не мог сразу же взяться за руль, чтобы продолжить путь. В связи с этим, его пригласили зайти в тренировочный комплекс и посмотреть несколько боёв на ринге, пока ему не станет лучше. Как только Билли вошёл в комнату, один из тренеров, мужчина по имени Джордж Смит, прозываемый “шестисекундником”, открыл дверцу птичьей клетки. Из неё молниеносно вылетела канарейка и стала так стремительно метаться по комнате, что Смиту никак не удавалось её поймать. Когда птичка проносилась над головой Билли, он схватил её на лету.

“Шестисекундник” Смит присвистнул в полном восторге.

— За всю свою жизнь ещё не видел таких быстрых рук. Молодой человек, а вы когда-нибудь задумывались о профессиональном боксе?

Это замечание, сделанное по ходу дела, заставило Билли призадуматься о профессиональном боксе, и вскоре он стал уделять большую часть свободного времени спортивным тренировкам. За день он пробегал от 11 до 13 километров, затем отправлялся в тренировочный комплекс, где тренировался в ударах по подвесной груше, пока кто-нибудь

из боксёров не вызывал его на бой. Наблюдая за Билли на ринге во время тренировочных состязаний, “шестисекундника” Смит больше впечатляла его твёрдая решимость, нежели быстрота движений. Тренер провёл с Билли много часов, обучая его правильной постановке ног, движениям рук, а самое главное — как принимать удары и удержаться при этом на ногах.

Джордж Смит получил своё прозвище после первого профессионального состязания, в котором он нокаутировал своего соперника ровно за шесть секунд. Смит был старше Билли лет на восемь и весил, примерно, на 16 килограммов больше. Более сильного и крутого человека он ещё в своей жизни не встречал. Когда Билли впервые вышел на ринг со своим тренером, “шестисекундник” молотил его беспощадно. Однажды Смит ударил Билли с такой силой, что тот перелетел через верёвки и растянулся на складных стульях, которые стояли возле ринга. Билли долго не мог подняться на ноги. Когда он, наконец, отдышался и пришёл в себя, то спросил:

— Шестой, почему ты меня так бьёшь?

Смит засмеялся и ответил:

— Такая тренировка пойдёт тебе только на пользу.

— На пользу? Как же она может пойти мне на пользу? Ты же меня чуть ли не до смерти избиваешь!

— Послушай, Билли, независимо от того, насколько ты физически силён, каждый раз, когда тебя бьют, удар сотрясает твой организм и останавливает приток крови к сердцу. В боксе тебе придётся научиться принимать сильные удары и быстро оправляться от них. Если твоё тело не привыкнет быстро оправляться от ударов, ты будешь там лежать, а секунды тем временем будут отсчитываться. Но если ты к этому привыкнешь, то даже если тебя пошлют в нокдаун²⁴, ты снова быстро встанешь. Вот как я тренирую. Ты можешь недолюбливать меня сейчас, но когда выйдешь на ринг, будешь мне благодарен.

Билли снова пошёл на ринг и продолжал тренировку. Вскоре он достиг такого самообладания, что “шестисекундник” Смит мог бить его в живот с огромной силой, от которой он отлетал на верёвки, но при всём этом оставался в прежней форме и был готов продолжать бой. Как только Билли научился выдерживать во время тренировочных боёв от восьми до десяти раундов, он начал участвовать в любительских состязаниях под названием “Золотые Перчатки”.

На ринге Билли процветал. Он вкладывал в это все свои силы, будь то просто тренировка или профессиональный бой. Бокс давал волю его чувствам; гнев и смятение, которые накапливались в нём за всё то время, способствовали тому, что его руки посылали удары, как пулемёт пули.

²⁴ Послать в нокдаун — сбить с ног. (Пер.)

Быстрота и решимость увенчивали его одной победой за другой. Каждая победа всё больше поднимала Билли на вершину славы, и его уверенность в себе резко возрастала. Никогда в жизни он не получал такого признания, такого одобрения. Он начал чувствовать себя значительной личностью.

Участвуя в состязаниях как боксёр-любитель, Билли не проиграл ни одного боя. Прошёл год его участия в турнирах “Золотые Перчатки”, и он стал профессионалом. Он одержал победу в пятнадцати матчах подряд, включая районный чемпионат среди боксёров легчайшего веса²⁵, в котором принимали участие представители из трёх штатов. Теперь Билли думал, что он непобедим. Но однажды коса нашла на камень — он встретил равного себе противника.

Ему назначили поединок с Биллом Причардом, боксёром из Западной Виргинии, принимавшим участие в чемпионате. Матч проходил в Эвансвилле, штат Индиана. Билли поехал в Эвансвилл со своим другом Говардом МакЛином, боксёром второго полусреднего веса, у которого также был матч в тот вечер. Они пообедали в три часа дня и вернулись к рингу, чтобы немного отдохнуть, а потом обмотать себе руки перед поединком. На Билли был синий костюм. Вынув из кармана расчёску, он провёл ею по своим густым тёмным волосам.

Говард взглянул на своего приятеля и присвистнул.

— Знаешь что, Билли? Ты похож на баптистского проповедничка.

Билли вспылал гневом. Он всегда был повышенно-чувствительным к оскорблениям, и в его восприятии “проповедник” было равнозначно “неженке”.

— Так, подожди минутку, Говард. Тебе бы лучше улыбаться, когда говоришь такое.

Билли широко расставил ноги и приготовил кулаки. Хотя Говард превышал его в весе на 14 килограммов, он был готов наброситься на него. Но Говард просто засмеялся, уверяя его, что всего лишь пошутил, и Билли опустил кулаки.

В тот вечер на ринге Билли был изумлён силой и быстротой своего соперника. Причард ринулся на него с яростью, равной которой Билли ещё не знал. Впервые за всю свою боксёрскую карьеру он почувствовал неуверенность в своих силах. В начале матча, осознав, что попал впросак, он ещё надеялся, что сможет закончить поединок с Причардом вничью. Но когда в разгаре матча на Билли стали обрушиваться удары один за другим, он задал себе вопрос: уж не собирался ли Причард прикончить его там? К концу боя, в передышке между раундами, Билли, сидя на стуле, поднял взор к потолку и тихо помолился: “Боже, если Ты позволишь мне выйти отсюда живым, я обещаю, что оставлю бокс”.

²⁵ Легчайший вес: 51-54 кг; второй полусредний вес: 62-67 кг. (Пер.)

После того вечера Билли больше никогда не выходил на ринг.
(Фото №12)

КАК-ТО ОСЕНЬЮ 1931 года Билли ремонтировал счётчики на газовом заводе в Нью-Олбани. От газовых испарений у него закружилась голова, и он упал на пол. Последствия этого происшествия постоянно давали о себе знать: у него болела голова, в глазах всё расплывалось, он с трудом мог есть; в желудке сильно повысилась кислотность, и всякий раз, когда пища попадала в него, возникали сильные боли с последующей изжогой во рту. “Коммунальная Компания Индианы” выделила деньги для медицинского обследования Билли в Луисвилле, штат Кентукки, но у врачей возникли затруднения в установлении диагноза. После повторных обследований они, наконец, определили, что у него аппендицит. Это удивило Билли, поскольку он не ощущал боли в боку, — она исходила из желудка. Специалисты объяснили, что при обследовании отравление газом просто сбilo их с толку, скрыв симптомы аппендицита. Они настойчиво утверждали, что его аппендикс воспалён, и его необходимо удалить.

Билли неохотно согласился при условии, что операцию будут делать под местным наркозом. У него остались ужасающие воспоминания от операции, сделанной ему в четырнадцать лет, когда обе ноги были ужасно покалечены выстрелом из ружья. Тогда он едва очнулся после наркоза и до сих пор не смог забыть то жуткое переживание, когда летел вниз сквозь пределы потерянных и скитавшихся душ. Ужас, тьма, одиночество и эти омерзительные лица... Ему ни за что на свете не хотелось снова увидеть то место!

Билли, нервный и перепуганный, хотел, чтобы кто-нибудь, умеющий молиться, стоял возле него во время операции, поэтому он попросил служителя из местной Первой Баптистской Церкви побыть рядом с ним. Аппендикс был успешно удалён, и Билли отвезли в палату. Лежа на больничной койке в полном сознании, он почувствовал, что пульс стал слабеть с каждой минутой. Билли попытался позвать медсестру, но его голос превратился в шёпот, а руки так ослабли, что он не мог ими двигать; дыхание стало неглубоким, сердцебиение настолько замедлилось, что сердце вообще едва ли билось. Он подумал: “Это уже смерть? Я умираю?”

Свет в палате потускнел, стены стали расплываться и приняли мрачные очертания, похожие на деревья. Казалось, он очутился в холодном, тёмном лесу. Ему послышалось, что где-то вдалеке дул ветер. Сначала этот шум был слабый, но затем усилился и начал перемещаться в его направлении. Билли охватила паника. “Это то! Смерть идёт за мной!” Он попытался молиться, но не мог найти слов. А ветер нёсся всё быстрее и быстрее, пока ветки деревьев вокруг него не стали качаться с невероятной силой. Затем всё изменилось: тёмный лес внезапно исчез, и Билли обнаружил, что стоит в тени огромного тополя. Это было то

самое дерево, которое так сильно напугало его в детстве, и встречи с которым он с тех пор избегал. Чувствовалось, что воздух был неподвижен и гнетущ, как день с 99%-ой влажностью. Звук шелестящих листьев заставил Билли поднять взор, и он увидел тот же самый вихрь, кружащийся в верхних ветках; раздался тот же глубокий голос: **“Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Я звал тебя, а ты не шёл”**. В мыслях Билли вернулся к тому дню, много лет назад, когда этот голос сказал ещё: **“...Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”**. Голос снова повторил обвинение:

— **Я звал тебя, а ты не шёл.**

Билли обьял ужас. Не потерял ли он смысл жизни? Можно ли всё исправить?

— Кто звал? Кто ты? И что ты хотел, чтобы я сделал? — в исступлении громко спросил он.

Голос повторил в третий раз:

— **Я звал тебя, а ты не шёл.**

Билли закричал:

— Иисус, если это Ты, то позволь мне вернуться на землю, и я буду проповедовать Твоё Евангелие с крыш домов и на углах улиц. Я всем расскажу об этом!

В одно мгновение Билли снова оказался на больничной койке. Теперь его сердцебиение было нормальным, а лёгкие глубоко вбирали воздух. Он выжил.

Хирург, стоявший у постели Билли, был заметно изумлён, увидев, как быстро его щёки налились кровью и восстановились его жизненные силы. Повернувшись лицом к Чарльзу и Элле Бранхам, он высказал своё мнение: “Я не хожу в церковь. Моя врачебная практика настолько обширна, что у меня так и не нашлось времени для этого. Но я знаю, что Бог посетил этого парня”.

Билли был вынужден вернуться на работу, как только его швы могли выдерживать нагрузку. К сожалению, операция не сняла ни одного из первоначальных симптомов. На протяжении зимы его физическое состояние постоянно ухудшалось. Желудок Билли извергал почти всё, что он пытался есть, вынуждая его жить на ячменном отваре и соке чернослива, — и даже это плохо усваивалось. У Билли развился астигматизм²⁶, он мог видеть только в очках с толстыми линзами. Всякий раз, когда он снимал очки, его голова так сильно тряслась, что парикмахер даже не мог его подстригать.

²⁶ Астигматизм — заболевание глаз, вследствие которого изображение предметов становится нерезким и размытым. (Пер.)

Врачи-специалисты в Луисвилле были озадачены. После множества проведённых обследований один врач сказал: “Мистер Бранхам, боюсь, что ваше состояние безнадежное. Ваш желудок представляет собой ни что иное, как большой клубок воспалённых язв. Вам придётся строго соблюдать диету всю оставшуюся жизнь. Никогда не забывайте, что один кусочек твёрдой пищи погубит вас”.

Билли вернулся домой измученным и подавленным. Но, по крайней мере, он был жив. Теперь он был решительно настроен найти Бога, чтобы сдержать своё обещание. С огромным воодушевлением он начал читать Библию. Чем больше он читал, тем больше ободрялся. Он на самом деле мог отождествиться с такими событиями, когда мужчины и женщины слышали Божий голос, говоривший непосредственно к ним. Возможно ли, что Бог говорил к нему из листвы того тополя, когда он был совсем ещё мальчиком? Билли всегда подозревал, что это был Он, но не был до конца убеждён, пока не прочитал о том, как Бог говорил с Иовом из вихря²⁷. Это его полностью убедило. Затем, когда Билли Бранхам с головой погрузился в чтение жизнеописаний Иисуса, Петра и Павла, он просто сгорал от возбуждения. Здесь он нашёл объяснения тем странным, похожим на транс переживаниям, когда он вовсе не спал, был в бодрствующем состоянии и внезапно обнаруживал, что находился где-то в другом месте, и видел, как происходило нечто, что выглядело настолько же реально, как ботинки на его ногах. В Библии это называется видениями. Так что его жизнь, возможно, не была такой уж странной. Просто-напросто, Бог действовал с ним.

Билли начал посещать различные церкви в своей местности, спрашивая, как он мог бы встретиться с Богом. Но вместо согласия и общего чёткого пути он столкнулся с противоречивыми мнениями, которые порождали одно лишь замешательство. Первая Баптистская Церковь хотела, чтобы он записал своё имя в регистрационный журнал их церкви, и тогда они вручили бы ему письмо о принятии в число своих членов. Лютеране хотели, чтобы он посещал уроки конфирмации²⁸. Католики сказали, что ему нужно признать папу римского как верховную Божью власть на земле и посещать мессу каждое воскресенье. Адвентисты Седьмого Дня сказали, что ему следует соблюдать субботу как шаббат²⁹.

²⁷ Иов 38:1 и 40:1. В русском синодальном переводе, в отличие от английского, употребляется слово “буря” вместо “вихря”: “Господь отвечал Иову из бури и сказал”. (Пер.)

²⁸ Конфирмация (от лат. *confirmatio* — утверждение) — у католиков и протестантов обряд приёма (в разных формах) в церковную общину подростков, достигших определённого возраста. (Пер.)

²⁹ Шаббат — священный день отдохновения. (Пер.)

Каждая церковь полагала, что у неё есть монополия на истину, тем самым исключая все другие церкви.

Билли не знал, что и делать. Он не имел ни малейшего представления, где найти Бога. Затем он подумал: “А знаешь, ведь я видел Его в природе. Пойду-ка я в лес поговорить с Ним”.

Он отправился в одно из своих излюбленных охотничьих местечек, но и это не помогло. Он не знал, что говорить, и чувствовал, что глупо разговаривать с самим собой, когда, казалось, не было никого, кто слушал бы его. Тогда его осенила одна мысль: “А почему бы не написать Богу письмо?” Это показалось хорошей идеей, и он написал:

*Глубокоуважаемый Сэр,
Я сижу здесь, охотясь на белок, и знаю, что Вы
проходите здесь по этой тропе. Я знаю, что Вы проходите
мимо меня. Я нуждаюсь в Вас. Пожалуйста, придите когда-
нибудь поговорить со мной. Я хочу кое-что Вам сказать.*

Билли Бранхам

Прибив это письмо к дереву, Билли пошёл домой, размышляя о том, что вернётся туда чуть позже, чтобы проверить, не вышло ли что-нибудь положительное из всего этого. Но на следующий же день он засомневался, рассуждая: “Постой-ка. Ведь я никого там в лесу не видел. К тому же, если Бог везде, тогда я смогу встретиться с Ним в городе так же легко, как и в лесу. Но тогда я снова прихожу к своей первоначальной проблеме. Мне хочется поговорить с Богом, но я не знаю, как мне это сделать”.

Он пошёл в старый сарай позади своего дома и закрыл за собой дверь. После дождя прошедшей ночью в сарае капала вода. Не обращая внимания на то, что земля была сырой, Билли встал на колени у разбитого и ржавого “Форда” модели “Т”, думая о своём намерении и отчаянно желая поговорить со своим Творцом. Он пробормотал: “Ну, как же мне это сделать? Я видел картинки, как люди молятся, и, кажется, они складывают свои руки вот так”. Он сложил свои ладони перед собой в традиционной позе молитвы. “Теперь, что же мне сказать? Ведь придётся как-то это сделать, и я не знаю как”. Единственное, что пришло ему в голову — это говорить наугад.

— Глубокоуважаемый Сэр, я хотел бы, чтобы Вы пришли и пару минут поговорили со мной. Я хочу сказать Вам, какой я плохой.

Он остановился и прислушался. В сарае по-прежнему царила мёртвая тишина. “Может быть, мне следовало сложить руки *вот так*”. Он сцепил пальцы и попробовал снова:

— Глубокоуважаемый Сэр, я просто не знаю, как правильно это делать, но я надеюсь, что Вы поймёте. Не поможете ли Вы мне?

Он опять остановился и прислушался — ничего.

И тут прорвались его чувства, из его глаз потекли слёзы:

— Сэр, даже если Вы не говорите со мной, я всё равно буду говорить с Вами. Господин Бог, во мне нет ничего хорошего. Я стыжусь самого себя. Простите, что я пренебрегал Вами все эти годы. Но теперь я нуждаюсь в Вас. Пожалуйста, придите поговорить со мной.

Вдруг он почувствовал в теле странное ощущение. Когда он открыл глаза и поднял голову, по его спине пробежал мороз, и его объёл страх: перед ним сиял яркий янтарный свет, образуя в воздухе крест правильной формы. Из глубин энергии этого света раздался голос, говоривший на языке, подобного которому Билли никогда раньше не слышал. Затем всё это исчезло.

Билли стоял на коленях в полном оцепенении, не в силах пошевелиться и дышать. Наконец, он овладел собой и сказал:

— Сэр, я не понимаю Вашего языка, но я полагаю, что мне как-то следует быть причисленным к этому кресту... и мои грехи должны лежать там. Если Вы прощаете меня, тогда просто вернитесь и проговорите снова на Вашем языке. Если Вы не можете говорить на моём языке, я пойму Вас.

Крест снова появился, излучая свет и тепло. Билли закрыл глаза и протянул свои руки. Он пережил особенное чувство, будто тёплые капли дождя стучали по его телу. Вдруг он ощутил в себе покой и свободу, как если бы стопудовую ношу сняли с его плеч. Когда он открыл глаза, света уже не было.

Возбуждённый до предела, Билли выбежал из сарая и влетел в дом. Его мать вздрогнула, сказав:

— Билли, что случилось? Ты нервничаешь?

— Нет, мама. Просто, только что произошло нечто замечательное.

— Что такое?

— Не знаю, но я чувствую себя так хорошо!

Он снова вихрем вылетел во двор, ища, где бы излить свою радость. За его домом проходила железная дорога. Билли перелез через ограждение, обнесённое насыпью, и побежал по шпалам, время от времени подпрыгивая на бегу, и давал выход своим чувствам, размахивая кулаками, как будто дрался со своей тенью. Наконец! Да, в конце концов, он нашёл Бога в кресте Иисуса Христа!

Спустя пару дней Элла сказала:

— Билли, прошлой ночью мне приснился сон о тебе. Я видела, как ты стоял на белом облаке, проповедуя всему миру.

Это поразило Билли и показалось странным, — ведь его мать почти никогда не видела снов.

Глава 10

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ВЕРУ

1932

ОСЕНЬЮ 1932 ГОДА Уилльям Бранхам проверял электрические счётчики в одном из переулков Нью-Олбани. В это время подъехала легковая машина и припарковалась за его служебным грузовиком. Дверца машины открылась, и оттуда вышла красивая девушка. Её чёрные волосы сияли на солнце, а тёмные глаза, казалось, пылали внутренним огнём. Всего лишь один взгляд в её сторону — и Билли отказался от решения быть холостяком.

Девушка разгладила складки на платье, взяла свёрток с сиденья машины и пошла. Билли бросило в пот. Если он ничего не скажет ей сейчас, то, возможно, никогда уже не увидит её. Он сделал решительный шаг.

— Здравствуйте, мадам. Хороший день, не правда ли?

Повернувшись, девушка улыбнулась:

— Хороший? Просто превосходный! — она подняла руки и закружилась. — Только посмотрите на клёны: полностью оранжевые и красные. Они прямо великолепны!

— Да, я тоже думаю, что они...гм...великолепны, — он думал, что именно она была великолепна. — Меня зовут Билли Бранхам. Я работаю в отделе коммунальных услуг и сейчас просто проверял эти счётчики.

Она протянула свою руку.

— Рада познакомиться с тобой, Билли. Я Хоуп³⁰ Брумбах. **(Фото №13)** Может быть, слышал о моём отце Чарли Брумбах? Он организатор железнодорожного товарищества.

— Нет, полагаю, что не знаю его. А ты живёшь где-то здесь?

— В том доме, вон там, — она указала рукой на дом, находившийся в конце улицы.

Билли почувствовал, что у него кое-что получается: он узнал не только её имя, но и где она живёт. Но этого было недостаточно. Он продолжал задавать Хоуп вопросы, ища повод, чтобы вновь с ней увидеться. Во время знакомства он выяснил, что она Христианка и посещает местную Миссионерскую Баптистскую Церковь на Уотт Стрит в Джефферсонвилле. Это был “первый шаг” к успеху.

— Знаешь, я совсем недавно, пару недель назад, стал Христианином и пока ещё не хожу ни в какую церковь... Может быть, я схожу с тобой в это воскресенье и посмотрю, понравится ли мне.

³⁰ Норе (англ.) — Надежда. (Пер.)

— Я займу тебе место, — с улыбкой сказала она.

В следующее воскресенье, когда Билли вошёл в церковь, он увидел, что возле Хоуп для него было свободное место. После служения, перед тем как идти домой, они немного поговорили. Эта милая и приятная девятнадцатилетняя девушка заинтересовала его, как никакая другая женщина, какую он когда-либо встречал. Было нечто живительное в её радости и невинности. Его влекло к ней как магнитом, и он снова и снова приходил в церковь на Уотт Стрит, пока не стал посещать её регулярно.

Билли признался себе, что причина, по которой он предпочёл Миссионерскую Баптистскую Церковь любой другой церкви в городе, заключалась в том, что туда ходила Хоуп Брумбах. Однако вскоре у него появилось глубокое уважение к её пастору. Доктор Рой Дэвис проповедовал о том, что Бог ничуть не лучше Своего Слова, и что Христианин ничуть не лучше своей веры в Слово Божье, — утверждение, которое поразило Билли своей абсолютной истиной. Доктор Дэвис постоянно призывал своё собрание верить Божьему Слову всем сердцем и воплощать это Слово в повседневной жизни. Более того, казалось, что этот пастор претворял в жизнь то, что проповедовал.

Однажды доктор Дэвис рассказал историю о том, как в годы его молодости по стране разъезжал некий атеист, ходивший от одной церкви в другую и подвергавший веру Христиан неимоверному испытанию. Доктор Дэвис слышал его речь на огромном собрании в Мемфисе, штат Теннесси. Тот человек прочитал из 16-й главы Марка, где Иисус сказал: *“Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы”*. Тогда атеист поставил бутылку серной кислоты на подиум и бросил вызов аудитории:

— Эй, люди, присутствующие здесь, вы заявляете о себе как о Христианах, но ведь Иисус сказал, что если верите, тогда сможете выпить любое смертоносное вещество, и оно не повредит вам. Так вот, если это Слово Богодухновенно, тогда выпейте эту серную кислоту.

Он повторил свой вызов несколько раз, критикуя Христиан за отсутствие веры и насмехаясь над самим понятием существования Бога.

Молодой доктор Дэвис сказал пожилому методистскому епископу, сидевшему рядом с ним:

— Если этот неверующий ещё раз бросит такой вызов, я пойду туда и выпью её.

Епископ попытался отговорить его.

— Этот человек просто лезет вон из кожи. Оставь его в покое, сынок. В Библии говорится: “Не искушай Господа Бога твоего”³¹.

Но Дэвис был полон решимости.

— Нет, я не оставлю его в покое. И если я умру на своём посту, я пойду в небеса, веруя в Божье Слово!

Атеист смеялся, видя, как Христиане смущённо поёживались на своих местах.

— А что насчёт вас, ребята, вон там? Вы ведь верите, что Бог так реален! Пройдите-ка проверку этой серной кислотой.

Доктор Дэвис поднялся на подиум, повернулся и проговорил к аудитории численностью около трёх тысяч человек.

— Мне двадцать пять лет, и я служитель Евангелия. Я знаю, что мой Бог способен спасти меня от этой серной кислоты; но, тем не менее, если Он этого не сделает, я больше не позволю, чтобы этот неверующий стоял здесь и вот так бросал вызов Божьему Слову.

Он взял серную кислоту и выпил до дна содержимое бутылки, не испытав при этом ничего, кроме резкой боли от вредного воздействия. Затем он проповедовал Евангелие с таким глубоким убеждением и жаром, что полторы тысячи людей заново посвятили свою жизнь Иисусу Христу.

Слушая эту историю, Билли подумал, что методистский епископ проявил больше благоразумия, чем доктор Дэвис. Разве должен кто-нибудь испытывать Бога? Не сказал ли Иисус о тех неверующих фарисеях: “Оставьте их. Если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму?”³² Хотя Билли не соглашался с тем, что сделал доктор Дэвис, он по-прежнему восхищался верой своего пастора.

Находясь в контакте с человеком такого глубокого убеждения, вдохновлённый Билли стал уделять больше внимания Божьему Слову. Припев псалма, первого из тех, что Билли выучил в церкви, звучал так: *“Быть, как Иисус мой, быть, как Иисус мой; хочу здесь быть таким, как Он. И в этой жизни, стремясь к Отчизне, прошу я быть таким, как Он”*. Эти слова стали постоянной молитвой в его сердце: “Иисус, помоги мне быть таким, как Ты”.

Прочитав Новый Завет во второй раз, Билли осознал, что ему нужно принять водное крещение. Он читал 28-ю главу Матфея, где Иисус сказал Петру и другим ученикам, чтобы они *“научили все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа”*. Затем он прочитал 2-ю главу Книги Деяний, где Пётр, спустя несколько недель, повелел людям: *“И да крестится каждый из вас во Имя Иисуса Христа”*. Билли считал, что если кто-нибудь и знал, что Иисус подразумевал под Своим великим

³¹ Второзаконие 6:16; Матфея 4:7; Луки 4:12. (Пер.)

³² Матфея 15:14. (Пер.)

поручением, то это, должно быть, был Пётр и остальные ученики. Итак, Билли попросил доктора Дэвиса крестить его таким же образом, как крестили апостолы в Книге Деяний. Несмотря на то, что это шло вразрез с учением Миссионерской Баптистской Церкви, доктор Дэвис был обязан это сделать, и Билли был крещён в Имя Господа Иисуса Христа.

Много месяцев прошло с тех пор, когда с ним произошёл тот несчастный случай на газовом заводе в Нью-Олбани. Вместо того чтобы улучшиться, здоровье Билла ухудшилось. Теперь его голова тряслась, даже когда он носил очки с толстыми линзами; без них он был почти слепым. Несмотря на его лёгкую диету, состоявшую из ячменного отвара и сока чернослива, его желудок болел почти не переставая. Но больше всего тревожило то, что он чувствовал, как его силы и жизненная энергия медленно угасали из-за неполноценного питания.

Теперь же у него было новое лекарство — вера. Он прочитал то, что сказал Иисус: *“И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите”*³³. Затем он прочитал в 5-й главе Иакова: *“Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во Имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь”*. Это был ответ на его нужду. Сразу же после прочтения этих слов Билли побежал домой к доктору Дэвису, прося, чтобы пресвитер помазал его елеем и помолился за него. После этого он зашагал домой, радуясь и заявляя права на своё исцеление.

В тот вечер за ужином Билли положил свою Библию на стол, сообщил о своём исцелении и заявил, что с этих пор и впредь он будет есть так же, как и все.

Взволнованная такими словами, его мать предостерегла:

— Билли, я ничего не имею против того, чтобы у тебя была вера, но ты ведь знаешь, что сказал врач, — всего лишь один кусок твёрдой пищи отнимет у тебя жизнь.

— Я также знаю, что сказал Бог; а Он сказал, что я исцелён! Может, помолимся?

Никогда раньше за столом Бранхамов не произносили молитву. Чарльз не знал, что и делать, поэтому просто ёрзал на стуле. Элла окинула своего сына беспомощным взглядом, полным беспокойства, и разразилась слезами. Билли склонил голову и помолился:

— Боже, если я и умру, я приду Домой, веруя в Тебя. Твоё Слово сказало, что я исцелён. Я должен принять или то, что сказал врач, или то, что сказал Ты. Я полагался на слова врача уже больше года, и мне от этого нисколько не лучше; на самом деле, мне становится хуже. Я больше не буду принимать то, что сказал врач. Теперь я принимаю то, что сказал Ты.

³³ Матфея 21:22

Пожалуйста, благослови эту пищу для наших тел; я прошу об этом в Имя Твоего Сына, Иисуса Христа. Аминь.

Отодвинув в сторону свой стакан с соком чернослива, Билли положил себе в тарелку бобов, лука и кукурузного хлеба. Как только первый кусок коснулся его желудка, пища стала подниматься назад. Билли приложил руку к губам, чтобы удержать кусок во рту, и затем снова его проглотил. Он тут же отрыгнулся. Билли опять его проглотил. Желудок не переставал протестовать вторжению твёрдой пищи, вызывая у Билли рвоту и покрывая его горло и рот жгучей кислотой. Но Билл отказался принимать во внимание свой желудок. Он сосредоточил свои мысли на том, что Бог сказал об этом, а не на том, что он чувствовал; и он продолжал глотать ту же самую порцию бобов, пока они, наконец, не остались в желудке. Затем он откусил кусок вареного лука.

После ужина Билли закрылся в своей комнате. У него были ужасные боли в желудке, и он не мог сдерживать слёз. Периодически его рвало, и кислая жидкость вытекала изо рта. Ослабевший, он пел; пел простой псалом, который выучил в церкви: *“Я верю только Иисусу, Я верю только Иисусу, Я верю только Иисусу, что Им я исцелён”*. Он сильно ослаб и свалился на кровать, еле слышным шёпотом произнеся: “Господь, я принимаю Тебя по Слову Твоему”.

Его мать постучала в дверь.

— Как ты себя чувствуешь, Билли?

— Превосходно.

— Я позвонила врачу. Он сказал, что ты умрёшь.

Билл проглотил пищеварительный сок, собравшийся у него во рту.

— Я не умру, мама. Я чувствую себя замечательно!

Он говорил не об ощущениях в своём теле, но о том, как он чувствовал себя по отношению к Божьему обетованию.

На следующее утро, когда Билли вошёл в кухню, та кастрюля с бобами всё ещё стояла на печке. Элла повернулась и спросила:

— Что ты хочешь на завтрак, Билли?

— Я хочу ещё бобов и кукурузного хлеба.

Дни летели, а Билли по-прежнему страдал. Каждый приём пищи был физической борьбой: его желудок сворачивался с кислым “протестом”, а сам он слабел от головокружения. Но в сферах веры он не боролся и не колебался. Он постоянно повторял слова Иисуса: *“Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему”*³⁴. Это было его якорем, и, несмотря на все свои симптомы, он, напротив, продолжал свидетельствовать, что Иисус Христос его исцелил.

³⁴ Марка 9:23

Билли также прочитал наставление апостола Павла: *“Не оставляйтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви”*³⁵, и от этих слов приступ вины поразил его сердце. На данный момент он был должен 2000 долларов за лекарства, купленные для его операции, и 300 долларов аптекарю, мистеру Мэйсону, доброжелательному человеку, который никогда не отказывал ему в лекарствах, хотя и знал, какой бедной была семья Бранхамов. Помолившись, Билли осознал, что Бог не запрещал Христианам брать в долг, но говорил, чтобы они выплачивали, сколько могут, чтобы покрыть долги, и не медлили с выплатой без нужды и причины.

Придя в аптеку, Билл сказал: “Мистер Мэйсон, я у вас в долгу, и я намерен вам всё это выплатить. Я ещё совсем слаб после операции, но я стараюсь работать. У меня есть работа в “Коммунальной Компании Индианы”, и я зарабатываю 20 центов в час. Постараюсь выплачивать вам сколько-то с каждой зарплаты. Я стал Христианином, поэтому моя первая обязанность — давать Богу. Во-первых, я должен платить Ему свою десятину. Затем, моя обязанность — оплатить свои долги. Денег мне сейчас не хватает: мой отец захворал, и мне приходится помогать содержать мать, семерых братьев и сестру. Но я постараюсь выплачивать вам, по крайней мере, 25 центов в каждый день платежа. И если я не смогу выплачивать даже этих 25 центов, я приду и скажу вам об этом”.

Дни переходили в недели, физически Билл всё ещё страдал. Но, мало-помалу, в течение нескольких месяцев его состояние настолько улучшилось, что, наконец, он мог есть всё, что только хотел, не испытывая при этом никакого физического недомогания. Он также оправился от астигматизма, и очки ему больше не были нужны. Когда глазной врач проверил его, у него было нормальное зрение. Билл горел от радости, и его уверенность в Божьих обетованиях сильно возросла.

Глава 11

ПРЕДОПРЕДЕЛЁННЫЙ К СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМУ ЕВАНГЕЛИЮ 1932

УИЛЛЬЯМ БРАНХАМ и доктор Рой Дэвис питали друг к другу взаимное уважение: Билли вдохновляла та вера, которую являл доктор Дэвис, а тот, в свою очередь, был впечатлён, видя рвение молодого Христианина. Некоторое время спустя, он предложил Билли стать служителем. Доктор Дэвис, как пастор, был уполномочен своей национальной организацией предоставлять “трудовые контракты” (без

³⁵ Римлянам 13:8

какого бы то ни было официального обучения) людям, подающим надежды. Эти права, в сущности, делали их общепризнанными служителями в Миссионерской Баптистской Церкви. Билли не забыл своего обещания, данного Господу год назад, когда смерть приходила забрать его: если ему будет предоставлен в жизни ещё один шанс, он будет проповедовать Евангелие на углах улиц и с крыш домов. Он ликовал, имея теперь такую возможность.

Итак, в 1932 году, незадолго до Рождества, доктор Рой Дэвис посвятил Уилльяма Марриона Бранхама в служители Евангелия Иисуса Христа согласно законам и уставам Миссионерской Баптистской Церкви. Билли тогда исполнилось двадцать три года.

Спустя пару дней после своего посвящения в служители, Билли находился в Нью-Олбани на своей работе, которая ему нравилась менее всего. Он должен был отключать услуги у тех людей, которые не могли оплатить своих счетов за воду, газ или электричество. Билли постучал в дверь, чтобы сообщить жильцам, что он был вынужден отключить у них свет. Женщина, открывшая дверь, начала беспощадно ругаться в его адрес.

При первом обращении Билли сказал:

— Гражданка, вам не следует так ругаться. Разве вы не боитесь Бога?

— Ты, жалкий свихнувшийся идиот, — огрызнулась она, — если бы я и захотела, чтобы кто-нибудь поговорил со мной о Боге, то я уж не выбрала бы такого дурачка, как ты. Твоя мать, должно быть...

И тут она принялась оскорбительно и гнусно поносить его мать и её родословную.

Билли всегда говорил: “Мужчине, ударившему женщину, не хватает мужества ударить мужчину”. Но при встрече с женщиной, которая лила такую грязь на добропорядочность его матери, он мог бы изменить своему правилу. Случись это на год раньше, в данном случае он, по меньшей мере, вскипел бы от гнева и наорал на неё. Но сейчас её оскорбления вовсе не беспокоили его. Точно как вода стекает с сапог, натёртых енотовым жиром, так её поношения не могли нарушить тот покой, который исходил из души Билли. Он вежливо ответил ей:

— Я буду молиться за вас, мадам.

Сказав это, он ушёл. Именно в тот момент Билли понял, что перемена, произошедшая внутри него, была подлинной и непоколебимой.

Его следующее служебное поручение состояло в том, чтобы отключить услуги в доме, из которого люди уже выселились. Поскольку здание было пустым, а дверь оставлена приоткрытой, Билл незаметно вошёл туда, чтобы помолиться и поблагодарить Господа.

Встав на колени на полу без ковра, он сложил руки, но не успел ещё закрыть глаза, как комната вдруг переменилась. Стены больше не были

покрыты яркими обоями в полоску, теперь они были полностью белыми. И сама комната уже не была пустой. Билли смотрел на пожилого чернокожего мужчину с усами и седыми волосами, который лежал будто бы на больничной койке. Было похоже на то, что мужчина попал в ужасную аварию: его грудь, руки и ноги были забинтованы. Около койки, ближе к Билли, стояла пожилая чернокожая женщина. (Возможно, это была жена этого мужчины, поскольку на вид ей было столько же лет, сколько и ему.)

Краешком глаза Билли заметил какое-то движение в комнате. Повернувшись, он увидел, как в комнату вошли белокожие парень и девушка и встали у дальнего края кровати. Их лица были печальными, но Билли не смог определить, какая связь могла быть между ними и забинтованным мужчиной. Затем в комнату вошли ещё двое молодых людей. Они встали, повернувшись к кровати, и Билли не мог разглядеть их лица. Эти двое мужчин казались ему очень знакомыми даже со спины. Да, конечно же, он узнал одного из них. Это был его друг, Джордж ДеАрк, которого он совсем недавно, пару недель назад, привёл к Господу. **(Фото №14)** А другой? Он напряг зрение и разум. Кто же из его знакомых мог красоваться своими чёрными курчавыми волосами? В этот момент тот мужчина повернулся, чтобы поговорить с пожилой женщиной, стоявшей рядом с ним. Билли вздрогнул от изумления, — он смотрел на самого себя!

Склонив голову над койкой, он молился за чернокожего пациента. Мужчина тотчас сел на кровати и начал снимать с себя повязки и бинты. Затем в комнату вбежало много врачей и медсестёр, и очертания кровати начали темнеть, расплываться, пока сцена полностью не исчезла, и Билли увидел себя в другом месте. Теперь он стоял на улице напротив больницы и наблюдал, как открылась парадная дверь, и оттуда вышел тот самый пожилой мужчина; опускался по ступенькам, будто вообще никогда не был покалечен. Бинтов и повязок не было, он был одет в коричневое пальто, а на голове у него был цилиндр. Внезапно это зрелище прекратилось, и Билли обнаружил, что снова стоял на коленях на голом полу в пустом доме, стены которого были покрыты обоями в полоску.

Что же произошло? Где он был? Он не сдвинулся ни на сантиметр с того места, где стоял на коленях, однако, каким-то непонятным образом, он побывал в больнице и был участником невероятного события, развернувшегося там. Как же это могло случиться? Это был не сон: он не спал, но бодрствовал. К тому же, всё, происходящее в больнице, выглядело так же реально, как и то, что теперь он стоял со сложенными в молитве руками.

Хотя Билли не знал, что всё это могло означать, он, тем не менее, сгорал от желания рассказать об этом видении первому встречному, кто захотел бы его выслушать. Им оказался Джон Поттс, один из Христиан,

который сидел в приёмной конторке компании коммунальных услуг. Это было как раз перед окончанием работы. Мистер Поттс не перебивал, когда Билли рассказывал о своём видении, просто время от времени вставлял: “Угу... неужели?... ну, надо же! Это интересно”.

На следующее утро, как только Билл прошёл в дверь, мистер Поттс отозвал его в сторонку.

— Послушай, Билли, что насчёт того сна, который приснился тебе вчера днём?..

— Мистер Поттс, это был не сон. Я был в бодрствующем состоянии, как и теперь. Я точно не знаю, что это было — полагаю, какой-нибудь трансе.

— Ладно, пусть будет так, как ты говоришь. Во всяком случае, у меня, возможно, есть ключ к разгадке. Вчера вечером я навещал одного из своих друзей в Католической Больнице Нью-Олбани. Один из пациентов, находящихся там, соответствует описанию мужчины в твоём... гм... трансе. Его зовут Уилльям Мэррилл. Это негр лет шестидесяти пяти, находящийся в очень тяжёлом состоянии. Я немного поговорил с ним вчера. У него, по-моему, есть повозка с двумя лошадьми, и он зарабатывает себе на жизнь, убирая мусор в аллеях Нью-Олбани. Два дня назад какой-то парень с девушкой неслись в машине, на углу потеряли управление и врезались в его повозку, поломав ему руки, ноги и позвоночник. Я рассказал ему о тебе и твоём трансе. Он сильно воспрянул духом и умолял, чтобы я попросил тебя прийти и помолиться за него.

— Всё же интересно, этого ли мужчину я видел?

Весь день Билли не мог успокоиться, стараясь предположить, что бы произошло, если бы он и вправду помолился за человека, находившегося в таком тяжёлом состоянии, в котором, очевидно, был мистер Мэррилл. От одной этой мысли Билл занервничал. Сядет ли этот мужчина, на самом деле, на кровати и начнёт ли снимать с себя повязки и бинты? Затем Билли подумал о том, что он слышал в проповедях доктора Дэвиса, побуждавшего Христиан верить в сверхъестественную Силу Божию, совершающую чудеса. К тому времени, когда Билли закончил работу, он почувствовал, что был готов ко всему. Разыскав своего друга, Джорджа ДеАрка, он выложил ему всю эту потрясающую историю.

Джордж сказал:

— Конечно, Билли, я пойду помолиться с тобой за того человека.

Пока они поднимались по ступенькам в больницу, Билли объяснил:

— Брат Джордж, со мной происходят какие-то странные вещи, я не могу понять, но одно знаю точно: я не смогу помолиться за этого пожилого мужчину, пока в комнате не будет тех двух белокожих, которые, затем, встанут по другую сторону кровати. Я должен сделать всё в точности так,

как мне было показано, поэтому не знаю, случится ли это сегодня вечером или нет. Но вот увидишь — этот человек будет исцелён.

Когда они вошли, Билли спросил о мистере Мэррилле, и его провели в палату. Билли достаточно было лишь бросить взгляд на человека, лежащего в постели, чтобы понять, что он попал как раз туда, куда нужно. Именно этого мужчину он видел вчера.

— Добрый вечер, сэр. Меня зовут Билли Бранхам. Прошлым вечером здесь был один мужчина, который рассказал вам обо мне.

Пожилый мужчина от нетерпения зашевелился.

— О! Вы и есть тот парень, кто помолится за меня, чтобы я исцелился?

Его жена, стоявшая у койки, нахмурила брови и начала читать Билли лекцию:

— Молодой человек, я думаю, вы не осознаёте, в каком тяжёлом состоянии находится мой муж. У него не только высокая температура, до 40 градусов, но, к тому же, рентгеновские снимки показывают, что его поломанные рёбра касаются лёгких. Одно неосторожное движение, и зазубренные концы могут пронзить ему лёгкое, а в худшем случае — перерезать артерию, и он истечёт кровью. Я на самом деле считаю, что вам не следовало сюда приходить и приводить его в такое возбуждение.

Но мистер Мэррил смотрел на это по-другому.

— Давай хотя бы послушаем парня.

Билли пересказал им то, что пережил вчера. Как только он закончил говорить, в комнату вошли парень и девушка. Мистер Мэррил представил их, сказав, что они как раз те два человека, которые врезались своей машиной в его повозку. Они оба сожалели о случившейся аварии и выражали искреннюю озабоченность состоянием пожилого мужчины. С печальным, серьёзным выражением лиц они обошли койку и встали возле неё, ближе к стене.

Билл только этого и ждал. Он склонил голову, и только начал молиться, как мистер Мэррил закричал:

— Я исцелился! — и тотчас сел на кровати. Его жена вскрикнула:

— Уилльям, нет! — и попыталась уложить его снова на матрац. Студент-медик вихрем примчался в палату. Он также старался удержать мистера Мэррилла в горизонтальном положении, но пожилой мужчина, тем не менее, смог вылезти из постели, не переставая кричать:

— Я исцелён! Я исцелён!

Тут прибежали медсёстры и врачи. Одна из сестёр-католичек ворвалась в палату и сказала Биллу с Джорджем:

— Вам двоим придётся уйти отсюда сейчас же. Мы не можем позволить вам доводить этого человека до такого возбуждения. Он тяжело болен.

Когда Билли и Джордж удалились, Уильям Мэррилл пытался переодеться в свою одежду, в то время как врачи старались уговорить его снова лечь в постель. Выйдя на улицу, Билли остановился у подножия больничных ступенек и сказал Джорджу:

— Давай подождём здесь. Вот увидишь, он будет одет в коричневое пальто, на голове у него будет цилиндр, и он сойдёт вниз вот по этим ступенькам через пару минут.

Прошло несколько минут... И вот он вышел со своей женой, спускаясь по ступенькам, полный жизненных сил, словно он был в больнице не пациентом, а всего лишь посетителем. Он был одет в коричневое пальто, а на голове у него был цилиндр — в точности, как предсказал Билли.

Джордж спросил пожилого мужчину:

— Как вам удалось вырваться на свободу от всех тех врачей?

Мистер Мэррилл широко улыбнулся из-под седых усов.

— Они измерили температуру — у меня совсем не было жара, так что они просто отпустили меня домой.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Билли проснулся на рассвете. Пока он нащупывал в полутьме свою одежду, комнату вдруг залил яркий свет, будто кто-то зажёл его, нажав кнопку выключателя.

В то же мгновение Билли осознал, что он уже находится не в своём доме. Комната, в которой он оказался теперь, была больше его спальни; она была чем-то похожа на гостиную: диван, мягкое кресло с невысокой спинкой, оттоманка³⁶, приставные столики, лампы. Исключение составляла высокая кровать, стоявшая в углу комнаты. На этой кровати лежала женщина средних лет, изуродованная параличом. Билли с изумлением наблюдал, как выкрученные конечности этой женщины выпрямились, придя в нормальное состояние. Женщина слезла с кровати и направилась к Билли, что позволило ему как следует рассмотреть её лицо. Затем он снова оказался в полумраке своей комнаты.

Билли долго сидел на краю своей кровати, ломая голову над этим. Очевидно, Господь Иисус собирался ещё кого-то исцелить. Но кого же? И когда? “Что ж, возможно, я сегодня же узнаю, где она находится”, — подумал он.

В тот день исполнение служебных обязанностей привело его к дому под номером 2223 на Ист Оук Стрит в Нью-Олбани. С одной стороны многоквартирного дома, сдаваемого в аренду, выселилась одна семья, и

³⁶ Оттоманка — диван без спинки и подлокотников; также мягкая скамеечка для ног; пуфик. (Пер.)

Билли должен был отключить воду только на той стороне; но на распределительном щите невозможно было разобрать, какой счётчик относился к какой стороне дома. Он закрутил вентиль на одном из счётчиков и пошёл на жилую сторону дома, чтобы всё проверить.

На его стук дверь открыла симпатичная бедно одетая девочка-подросток.

— Что вам угодно?

— Я работаю в компании коммунальных услуг. Не могли бы вы открыть водопроводный кран? Я хотел бы убедиться, что не отключил вам воду.

— Конечно, — девочка отправилась на кухню, повернув за угол.

Стоя на пороге, Билли заметил в гостиной женщину, лежавшую на кровати, чем-то напоминавшую больничную койку. Её тело было изуродовано параличом, что делало её похожей на съевшегося паука. Её голова, благодаря спинке кровати, была поднята и обращена к двери так, что Билли мог отчётливо видеть её лицо. Его сердце радостно забилося: это была именно та парализованная женщина, которую он видел утром в видении. Она читала книгу в чёрной обложке, а на полу, возле кровати, лежала газета с раскиданными страницами.

— Здравствуйте, мадам. Меня зовут Билли Бранхам.

— Здравствуйте. Меня зовут Мэри Дер Оханион. Там моя дочь Дороти.

Дороти возвратилась в комнату и сказала:

— Нет, вода всё ещё течёт.

— Что ж, полагаю, я отключил именно тот счётчик, который нужно.

Спасибо, что проверили.

Но он ещё не уходил. Каким-то образом он должен был завязать разговор с этой парализованной женщиной.

— А что вы тут читаете?

— Армянскую Библию, — ответила она.

Он бросил ей вызов:

— Вы верите?

Миссис Дер Оханион положила книгу себе на колени.

— Дороти теперь семнадцать лет. Со дня её рождения я парализована и прикована к постели. Но этим утром я прочитала в газете о мужчине, который был исцелён в Католической Больнице, и я сказала: “И для меня есть надежда”. Подождите, вы сказали, что ваша фамилия Бранхам?

Она сняла свои очки для чтения, чтобы всмотреться в молодого человека, стоявшего на пороге её гостиной. Сопоставив этого молодого техника, проверявшего счётчики, с неизвестным Бранхамом, о котором прочитала в газетной статье, она изменила выражение лица.

— Не вы ли тот муж Божий, который исцелил чернокожего мужчину вчера вечером?

— Нет, мадам, я не исцелитель. Мне, каким-то образом, было показано, что я должен помолиться за того человека. Господь Иисус есть Исцелитель — не я.

Женщина кивнула головой.

— С тех пор, как я прочитала о том чуде, я прошу Бога, чтобы Он совершил его и в моей жизни. Не могли бы вы помолиться за меня?

Билли посмотрел на женщину: её конечности были выкручены и атрофированы уже семнадцать лет. Он заботливо сказал:

— Я помолюсь об этом и затем вернусь.

Он нашёл место, где мог уединиться с Богом, и молился до тех пор, пока его уверенность не пришла в соответствие с видением. Потом он поехал к дому Джорджа ДеАрка.

— Брат Джордж, я встретил ту женщину, о которой рассказывал тебе сегодня утром. Я знаю, что это именно она. Давай поедem туда вместе.

Они оба вошли в дом и встали у кровати миссис Оханион. Женщина прижимала к сердцу свою армянскую Библию, в то время как Дороти и её восьмилетний брат спрятались за новогодней ёлкой, в другом конце гостиной, посмеиваясь над этой затеей. Ведь только подумать — их мать встанет с постели, пролежав семнадцать лет. Что за шутка!

Билл не обращал внимания на детей.

— Миссис Оханион, Господь Иисус исцелит вас.

Билли и Джордж встали на колени и начали молиться. Свет может касаться зрачков даже через закрытые веки; поэтому сквозь свои веки Билли увидел, что над миссис Оханион зажёгся свет. Он открыл глаза, ожидая увидеть электрическую лампочку. Но вместо этого он увидел огненное кольцо янтарного цвета, кружившееся над её кроватью. Его охватил смертельный страх вперемишку с нарастающим любопытством. Это, должно быть, был тот же Свет, который образовал крест в воздухе, когда он молился в сарае за своим домом.

Вдохновлённый, Билли наклонился вперёд, взял за руку парализованную женщину и сказал:

— Миссис Оханион, Господь Иисус сказал мне сегодня утром, что вы будете здоровой. Поднимитесь на ваши ноги и ходите во Имя Иисуса.

Откинув в сторону свои покрывала, она, извиваясь, стала двигаться к краю постели, используя свои иссохшие руки и ноги, чтобы ползти, как гусеница. У Билла промелькнуло опасение: если позволить ей упасть с этой высокой кровати, она может сломать себе шею, когда ударится об пол. Затем его разум осенило видение об Уильяме Мэррилле. Как совершенно, как безошибочно оно было! И уверенность вернулась к нему.

Как только миссис Оханион начала плавно соскальзывать с края постели, её обе ноги выпрямились у всех на глазах. Дороти испустила пронзительный безумный крик, и, вырывая у себя на голове волосы, пулей выбежала за дверь, не переставая кричать во всё горло. Соседи сбежались со всех сторон, хлопая дверями и тараща глаза, не в силах поверить увиденному. Они наблюдали, как их соседка, Мэри Дер Оханион, впервые за семнадцать лет ходила по своей гостиной, подняв над головой две совершенно здоровые руки и восхваляя Господа Иисуса Христа на своём родном армянском языке.

Билли вернулся домой возбуждённый и обрадованный удивительными видениями, которые предшествовали таким чудесам. Но затем его воодушевление приутихло, его радость сменилась томлением. Его следующее видение поразительным образом отличалось от всех предыдущих. Когда Билл описал это видение своему пастору, ответ пастора привёл его в замешательство. Это, в свою очередь, привело его к развернувшемуся перед ним продолжительному периоду неопределённости, что позволило ему, наконец, открыть тайну, скрывавшуюся за его необычной жизнью. Впоследствии эта тайна дала начало величайшему во всём мире служению веры и исцеления.

Пояснения автора

ДЛЯ ТЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ, которых интересует достоверность и точность событий и фактов в этой книге, мои авторские комментарии должны быть полезными.

Изображая события в первой главе первой книги, я намеренно “сгустил краски”, чтобы те, кто никогда не слышал об Уилльяме Бранхаме, заинтересовались повествованием. Разговоры, записанные в первой главе, являются моим предположением. Однако, основные моменты этой истории точны. Например, биографические данные о жизни Эллы Харви Бранхам и Чарльза Бранхама, и такие мельчайшие подробности в описании внешнего и внутреннего вида избушки, как сальная свеча; тот факт, что бабушка Бранхам за всю свою жизнь никогда не носила обуви, и что Чарльз Бранхам отправился в Берксвилл купить себе новый комбинезон в честь рождения первенца, — все эти подробности были описаны самим Уилльямом Бранхамом, рассказывавшим некоторые факты из своей биографии слушателям по всей Америке.

В последующих главах биографические описания взяты непосредственно из свидетельств самого Уилльяма Бранхама. В течение девятнадцати лет его проповеди записывались на плёнку, и в них он неоднократно рассказывал эти истории каждый раз по-другому. Как и любой из нас, рассказывая о чём-то много раз, он также при каждом

повествовании то добавлял, то опускал некоторые подробности. Я попытался связать вместе как можно больше данных, чтобы получилась более полная картина. Для тех, кто заинтересован прочитать эти истории именно в том виде, как их рассказывал Уилльям Бранхам, легче всего было бы приобрести его проповеди, записанные на компьютерных компакт-дисках в несокращённом виде. (В разделе “Литература и источники информации” представлен список мест, где проповеди Уилльяма Бранхама можно приобрести в печатном виде, на аудиокассетах, на аудио компакт-дисках, на компьютерных дисках и в Интернете.)

Если Вас озадачит какое-нибудь утверждение в моей книге, не упомянутое самим Уилльямом Бранхамом, помните, что его проповеди, записанные на плёнку, не были единственным источником информации, из которого я черпал материал для этой биографии. Я также использовал газетные и журнальные статьи, книги, перечисленные в разделе “Литература и источники информации”, к тому же, личные свидетельства людей, которые были знакомы с Уилльямом Бранхамом. Например, случай с голубем, севшим в то предрассветное утро на окно избушки, описанный в первой главе, рассказал Генри Бранхам, двоюродный брат Уилльяма Бранхама, чья мать была одной из повивальных бабок при рождении Уилльяма Бранхама. Этот случай описывается в журнале “*Верь, только верь*” (“*Only Believe*”) за август 1988 года (Раздел 1 № 2, стр. 18).

Любая биография — это всего лишь описание жизни. Поскольку каждый биограф пишет, пропуская всё через свою собственную призму, то и его книга отображает личное виденье и понимание исследуемого предмета. Вот почему имеется свыше 900 биографий, описывающих жизнь Авраама Линкольна. И не удивительно, ведь даже описание автобиографий зависит от взгляда на факты в разные периоды жизни автора. Хотя Бенджамин Франклин написал одну из популярнейших автобиографий за всю историю Америки, с тех пор много биографий было написано о нём самом. Немалая часть жизненных фактов не была даже упомянута, притом относительно этого существовало много разных точек зрения.

Эта биография, разумеется, отображает моё личное представление об Уилльяме Бранхаме. Это понимание пришло за многие годы моих молитв и исканий. Я старался оставаться верным этим фактам и Духу Божьему, Который был Вдохновителем необычайной жизни этого человека. Тем не менее, есть возможность узнать о его переживаниях и учении намного больше. Когда Вы закончите читать эту биографию, несомненно, самым лучшим источником, откуда Вы сможете узнать больше, будет для Вас прослушивание проповедей самого Уилльяма Бранхама, записанных на плёнке, на компьютерных компакт-дисках или чтение их в печатном виде.

Ваши усилия и время будут щедро вознаграждены.

